

Елена ГРИБКОВА

"Меня занимают вещи, где есть история, драма, возможно с надрывом" (в роли Екатерины Второй в спектакле Андрея Максимова "Сон императрицы").

Я ожидала увидеть даму, двигающуюся строго и величаво. А Илзе же передвигается чрезвычайно стремительно по коридорам и ступенькам Большого, как вечно спешащая ученица в стенах родной школы. Она умеет держать дистанцию, но это не высокомерие, а черта характера. Еще очень редко улыбается, но зато сразу чувствуешь, что от души. А в процессе разговора вдруг неожиданно для себя понимаешь, до чего же она беззащитная...

«Бабушки — золотой фонд человечества»

— У вас уникальная семья. Можно сказать, едва открыв глаза, вы уже прикоснулись с высоким искусством. Всегда хотелось узнать, как строится воспитание в таких семьях?

— Семья действительно уникальная. Родители — люди, обладающие огромной энергетической мощью. Папа — потрясающая личность, блистательный мужчина. И мама, хотя вся ее жизнь была положена к ногам мужа и детей, по природе своей удивительно сильный человек, невероятно яркая. Эти их качества я уже сейчас могу оценить как актриса. А в детстве нашим с братом воспитанием занимались в основном бабушки. Я вообще считаю, что бабушки — это золотой фонд человечества. Их любовь, тепло ни с чем не сравнимо и питает тебя всю жизнь. Мамина мама водила меня на первые мои спектакли в Большой. Мне было тогда 5 лет, и я выступала в роли сына Чию-Чию-Сан. То есть я вышла на сцену раньше, чем балет вошел в мою жизнь. Это была такая взрослая часть моего существования.

— Самые сильные детские впечатления?

— Были какие-то незабываемые вещи. Я помню, мы проходили мимо обувного магазина на углу Пушкинской улицы, и на витрине стояли туфли, которые тогда представлялись мне верхом совершенства — белые лакированные лодочки с тюлевым бантиком и бриллиантом в центре. И я говорила: "Бабуль, вот когда я вырасту, я куплю тебе эти лодочки". Мне казалось, что это самое большее, что я смогу сделать для своей бабушки.

— Что прежде всего вы почерпнули от родителей?

— Нас воспитывает атмосфера. Нельзя ничему специально научить ребенка, если ты сам этим не живешь, не дышишь. Через отца в нас с Андрисом вошло это отношение к своему делу. То беспримерное служение искусству, которому он посвятил свою жизнь. Помню, когда в Большом меняли планшеты сцены, отец попросил, чтобы ему вырезали кусок. И когда он пришел с этим куском до-

РОБКАЯ КОРОЛЕВА

Илзе ЛИЕПА:

«Мне всегда хотелось вопить со сцены»

*“Мои родители — люди, обладающие огромной энергетической мощью”.
(Мама в фильме “Илзе”, в память о котором назвали дочь. Илзе с папой.)*

мой, надо было видеть его лицо, когда он говорил: “Я принес кусок сцены Большого театра!”

— Самая грандиозная, на ваш взгляд, роль отца?

— Всемирную славу и успех ему принесла роль Красса в “Спартаке”. Но я согласна с истинными почитателями творчества отца, что его Альберт в “Жизели” был просто невероятен. Один тот факт, что сейчас у исполнителей этой роли всего два костюма на первый и второй акты, а у отца был целый гардероб, — уже о многом говорит. И каждый спектакль он делал по-разному, давал новую интерпретацию и финал. Помню, перед вечерними выступлениями, если у отца было плохое настроение, мы, дети, должны были сидеть в комнатах и не высовываться. А вот если хорошее, то он звал меня, садился напротив и говорил: “Ну, давай подумаем, как сегодня у нас будет Альберт?”

— И вы предлагали варианты?

— Нет, конечно. Я была нужна как внимательный слушатель. И только сейчас я понимаю, какие это были необыкновенные опыты. И вы знаете, что меня еще поражало? Как только отец выходил на сцену, он переставал быть моим отцом, у меня не возникало порывов крикнуть из зала “Папа!”, даже когда я была еще совсем крохой. И сегодня, когда я как зритель смотрю ту же “Жизель”, я уже не рыдаю в конце первого акта, как на спектаклях отца, но стоит мне прикрыть глаза и вспомнить, как это великолепно, проникновенно делал он, слезы выступают сами собой. Лучшего Альберта я не видела.

— Театр вошел в вашу жизнь буквально с пеленок. А помимо этого в какие игры вы играли, была ли у вас любимая сказка?

— Сказка? Наверное, “Снежная королева”. Вот вы меня спросили, я сразу представила эту картинку в книжке. Она такая красивая, в летящем платье... А по поводу игр — к нам в дом приходили две мои подруги Маша и Таня. И, кстати, все наши игры были подготовкой к актерству. Их сценарии были различны: три принцессы, сбегавшие из дворца... и так далее.

“Я неуверенная и зажатая”

— Ваша сегодняшняя деятельность представляет собой синтез родительских профессий. Вы занимаетесь и балетом, и театром, и кино. Не кажется ли вам, что, не направляя энергию в одно русло, вы разбрасываетесь? Или просто таким образом вы компенсируете какую-то нереализованность в балете.

— Чтобы вам ответить, нужно вернуться к началу моего творческого пути, который был очень непростым. (Мариса Лиэпу “выжидали” из Большого и Илзе ставили условие, что она будет зачислена в труппу, только если отец уйдет. — Авт.) В то время у меня вполне реально стоял вопрос: может, мне поменять свою жизнь и пойти в театральное училище? В тот момент у меня просто не хватило смелости, чтобы решиться на такой отчаянный шаг, хотя никаких надежд и перспектив в театре не было совершенно. И то, как сложилась моя жизнь в балете, для меня удивительно. Это произошло вопреки всему, даже мне самой.

— Хотя поначалу, казалось бы, благодаря.

— Вы знаете, нам всегда было тяжело нести фамилию отца. Она только потом стала нам помогать, мы ощутили в полной мере, какое огромное наследство оставил нам папа — свою фамилию. И нам вроде бы не нужно было чего-то добиваться, хотя это слово “добиваться” очень подходит моему брату. Андрис очень упорный. У него тоже не все легко складывалось, хо-

тя на первый взгляд были и победы на международных конкурсах. Но даже в сложное время, когда вроде бы не было надежды, что это принесет плоды, он приходил в репетиционный зал и тупо, я не побоюсь этого слова, работал.

— То есть он шел по одной колее и его не бросало из стороны в сторону? Потому что сниматься в кино и еще играть в драматическом театре — это ведь для балетных редкость.

— Да, потому что это совершенно другая профессия, хотя, казалось бы, близкая. Но я помню, что даже поначалу на балетной сцене самым интересным было для меня актерское существование. Меня занимают вещи, где есть история, драма, возможно, с надрывом. И мне всегда хочется вопить со сцены, это правда. Наверное, это грубо прозвучало, но в это слово я вкладываю тот накал эмоций, который меня воодушевляет. От родителей мне достался сильный темперамент, хотя внешне так не скажешь. И я очень рада, что есть это холодноватая прибалтийская занавеска, ширма, скрывающая страсти внутренние. И сцена для меня как раз возможность изжить то, что мне дано в наследство, — мощь внутреннего существования, поскольку в жизни я стараюсь от всего этого уйти.

— Недавно в одном из интервью вы сказали, что устали от балета и заста-

*“Обычно балетные артисты меньше, чем кто-либо, задумываются над собственным имиджем”.
(Костюм, сшитый Илзе В.Юдашкиным к концерту, посвященному 850-летию Москвы.)*

НЕСЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ИЛЗЕ ЛИЕПА

Илзе Лиэпа — дочь прославленного танцовщика Мариса Лиэпы и актрисы Театра им. Пушкина Маргариты Жиголоуной. Родилась 22 ноября в Москве. Окончила Московское хореографическое училище и педагогическое отделение балетмейстерского факультета ГИТИСа. Профессиональную деятельность начала с кордебалета Большого театра. Солисткой стала в 1981 году. Среди ее ролей — Мерседес (“Дон Кихот”), Царица бала (“Фантазия на тему Казановы”), Леди Капулетти (“Ромео и Джульетта”), Королева-мачеха (“Белоснежка”). Снималась в художественных фильмах “Блестящий мир”, “Бемби”, телесериале “Михайло Ломоносов”. Работает и на драматической сцене. Второй раз замужем два года. Муж — бизнесмен Владислав Паулюс.

вляете себя танцевать. Но позвольте, зачем, если невмоготу?

— Поверьте, я не первая, кто так говорит. Иногда просто не хватает резервных сил организма. Понимаете, если еще пять-десять лет назад можно было прийти в зал и сразу начать репетицию, то сейчас надо прийти за 40 минут и подготовиться. Это реальность. Войди в любой балетный зал — в каком-нибудь углу да услышишь: «Все! Больше не могу!» Это, наверное, наша естественная присказка, через которую мы переступаем и идем дальше.

— Насколько я понимаю, вы легко осваиваете новые профессиональные области?

— Когда вышел мой первый драматический спектакль «Мария Стюарт», я подумала: ну, это хороший путь, от балета можно будет уже потихонечку уходить. Но потом... Я не имею такого твердого характера, как у Андриса. Подчас люди, рядом оказывающиеся, ситуации, предлагаемые судьбой, вынуждали меня делать шаги, на которые самостоятельно не хватило бы решимости. То же самое случилось и с балетом. Я уже готова была с ним попрощаться, спокойно, без переживаний, и вдруг жизнь раскручивает новый виток, предлагая свежие идеи и возможности.

— Получается, вы не боретесь с обстоятельствами, а к ним прислушиваетесь?

«Вера сделала нас глубокими друзьями и помощниками друг друга» (Илзе и Андрис дома).

— Да, вы выбрали очень правильное слово. Мы должны внимательно и чутко стараться услышать то, что истинно. Ведь перед каждым человеком всегда есть несколько дверей. Но зачастую нам кажется самой желанной та, что посередине. Я буду биться туда, но если она закрыта, а рядом открытая дверь, которая, быть может, даст мне столько, что я даже не ожидаю... Надо только понять, что сейчас нужно идти туда, а эта откроется, возможно, потом. И у меня так же было. Если бы я в самом начале пошла в театральное училище, то более чем уверена, что с моей натурой ничего бы там не достигла. Я неуверенная, зажатая, не смогла бы раскрыться и заявить о себе. Это сейчас многолетний опыт дает мне возможность быть смелой, экспериментировать и чувствовать себя на сцене абсолютно свободной.

«Спроси ее ногой»

— Какой материал из сыгранного был наиболее близок?

— Безусловно, «Шехерезада», которую Андрис сделал специально для меня, и балет «Странствия», поставленный известным английским хореографом Джиллиан Ли. Она ставила танцы в знаменитых мюзиклах «Кошки», «Призрак оперы», много работала на Бродвее и по всему миру. Данный балет был сделан за две недели для вечера в фонд хосписа, на эту тяжелую тему.

«Моя жизнь в балете сложилась вопреки всему, даже мне самой» (Мариинский театр. Репетиция «Шехерезады»: Андрис, Фарух Рузематов и Илзе).

Она общалась с нами совершенно как с драматическими актерами, очень легко. Каждое поставленное ею движение было наполнено мыслями и словами. Абсолютно ее выражение: «Спроси ее ногой». Редко можно встретить такую виртуозную работу. И после Джиллиан было сложно переключиться на другого хореографа.

— Вы не материалистка? Танцевать, играть что-то только ради денег вы бы согласились или нет?

— Я заметила, что когда начинаю считать, вот столько у меня спектаклей и соответственно должна получить вот столько, то у меня все сразу молниеносно рассыпается. Но мы получаем деньги за то, что занимаемся любимым делом. Однажды у меня был ряд проектов, за которые мне заплатили экстремально крупную сумму. Я поймала себя на мысли, что если бы мне дали за это три копейки или вообще ничего, то я бы все равно делала совершенно то же самое. Моя степень творческой отдачи не зависит от гонорара.

— Я знаю, что вы очень религиозны. Вы к этому пришли постепенно или какое-то событие подтолкнуло?

— Правильно говорят: каждая душа — христианка. Мы можем называть это голосом совести, делать большое усилие, чтобы его заглушить... Я всегда занималась поиском собственного стержня, пытаюсь понять свой внутренний путь. Когда сейчас я перелистываю свои дневниковые записи подросткового возраста, то часто натыкаюсь на фразы: «Я не понимаю, что я такое? Какая я настоящая? Вот я иду по улице, я или не я? Или я играю, что это я иду?» Ответ, что должно быть внутри, чтобы я смогла быть самой собой, пришел как-то естественно, сам. Я определенно знала, что хочу креститься, и сделала это уже в достаточно зрелом возрасте. Но это было только начало. Со мной в тот момент рядом не было человека, который бы мне сказал, как я теперь должна поступать.

— А разве Андрис вам не помог?

— Да, потом он, можно сказать, подтолкнул меня, объяснил, что, собственно говоря, значит быть верующим. Это, конечно, во многом изменило все наши отношения в семье. Мне казалось, что до этого у меня не было брата, хотя внешне все выглядело, безусловно, по-иному. Вера сделала нас глубокими друзьями и помощниками друг друга.

«...и у сердца есть своя стыдливость»

— Илзе, об истории вашего знакомства с мужем вы рассказывали не раз. Вас пригласили на съемки рекламы кока-колы, и там вы повстречали его. Чем Владислав кардинально отличался от других мужчин, что вас привлекло?

— Я думаю, что нам безумно повезло, потому что это был как раз тот случай, когда я не успела закрыться той самой ширмой, которой обычно загораживаюсь всегда.

— А зачем вы это делаете?

— Ну как зачем? Совсем недавно мне встретились замечательные слова Натальи Николаевны Гончаровой, жены Пушкина. В каком-то письме она пишет: «Меня часто обвиняют в холодности, но ведь и у сердца есть своя стыдливость». Я с удовольствием и с такой хорошей завистью наблюдаю за людьми раскрепощенными, яркими. Когда нахожусь в компании коллег-актеров — восхищаюсь, как они могут начать петь, плясать где угодно, делать что-то экстравагантно-раскованное. Такую свободу я ощущаю только на сцене, а в жизни не могу себе позволить подобное поведение.

— Ну хорошо, вернемся к Владиславу. Можете вспомнить какие-то мелочи, которые доказывали вам его любовь и заботу?

— Конечно, из этих мелочей и сложился его портрет. Помню самое первое впечатление. Мы же встретились по работе и

РАЗГОВОР НА БУЛЬВАРЕ

поехали вместе решать какие-то официальные дела, подписывать бумаги. Ехали, естественно, каждый на своей машине. Он впереди, показывая дорогу, я — сзади. И, когда мы доехали до места, я поймала себя на мысли: удивительный мужчина. Вот я такого никогда не встречала. Просто нет такого мужчины в такой ситуации, когда едет впереди ведущим, всегда немножко как бы демонстрирует женщине: ну где ты там?! — прибавляя газу. Просто нет такого мужчины, который упустил бы прекрасную возможность шикануть и похвастаться собственной лихостью. А тут настолько внимательно человек вел машину, казалось, думая только о том, чтобы мне было удобно. Я это чувствовала и была поражена. Помню, даже сказала ему потом об этом. И еще подкупила искренность отношения. Ведь зачастую сталкиваясь с шармом, кокетством, блеском, игрой какой-то. На самом деле ведь мужчины даже не подозревают, насколько легко на нас произвести впечатление! (Смеется.) А тут такого не было. Просто прямое искреннее внимание. И поэтому я все время удивлялась. Что-то такое происходит, и я опять удивляюсь.

— Отсюда следует несложный вывод, что будущий муж вас увлек именно тем, что перманентно удивлял.

*“Моя любимая сказка детства — “Снежная королева”. Она такая красивая, в летящем платье...”
(За несколько часов до венчания.)*

— Да, и это удивление нас заводило все дальше и дальше по пути внутреннего сближения.

— Каков, по-вашему, секрет сохранения свежести отношений?

— Это на самом деле огромный труд. Но надо понимать, что у людей, объединяющихся в союз, просто нет выбора. И какой есть другой вариант?! Либо ты будешь жить плохо, скучно, тоскливо, словно в аду, либо работой, совершенством отношения, жизнью вокруг себя, себя самого. И тогда... Как у Александра Сергеевича: “...на мой закат печальный глестет любовь улыбку прощальной”. И вы посмотрите, как человек чудесно устроен: проходит время, и мы совсем не помним плохое. Я думаю, это потрясающая благодать, дарованная нам Господом.

— Как думаете, действительно любящие люди могут устать друг от друга? Разлуки полезны или вредны?

— Я глубоко убеждена, что в наше время прочного союза без веры быть не может. Столько соблазнов кругом, и чем дальше — тем больше. Реклама, телевидение, пресса кричат: оденься красиво, купи это, потому что дорого, что дорого — то шикарно, женщины должны быть с длинными ногами, от ушей, с роскошными волосами и огромной грудью, мужчины обязаны быть с накачанным торсом и узкими бедрами. Это все те соблазны, в которые мы попадаем даже невольно. А вот в вере никогда нельзя устать друг от друга. Ведь человек постоянно меняется, и, если один вышел вперед, стал интереснее, ему открылся новый опыт, он тянет за собой второго. Это ток, который не прекращается никогда. И потом, те моменты подлинного единения и духовной радости, которые испытываешь вместе со своей второй половиной, скрепляют так, как не может объединить ничто другое. Это становится настолько ценным, и ты понимаешь, что не можешь разрушить то, что так дорого и прекрасно, появляется страх потери.

— Я люблю создавать атмосферу

— Илзе, а если я спущусь с заоблачных высот на грешную землю и спрошу вас о каких-то мирских заботах и увлечениях? Допустим, ваши предпочтения в одежде?

— Балетные артисты меньше, чем кто либо, задумываются над собственным имиджем. Мы заботимся о том, чтобы были удобные ботинки, теплая куртка, большая сумка...

— От какой литературы испытываете эстетическое наслаждение?

— От Пушкина.

— Каких живописцев любите?

— Врубеля, Гойю. Вот, кстати, есть в них что-то сумасшедшее, и мне это нравится. Я не могу разделить личность и продукт ее творчества. Если меня привлекает что-то в искусстве, я всегда стараюсь узнать поподробнее о жизни автора.

*“Владислав меня постоянно удивлял. И это удивление заводило нас все дальше и дальше по пути внутреннего сближения”
(с мужем в Вильнюсе, на праздновании нового, 2001 года).*

Для меня был открытием Шагал, когда я узнала его лучше и вошла в мир его образа. Так что, чтобы понять художника, надо его постичь.

— Какую музыку в основном слушаете?

— Очень люблю романтиков — Шопена, Рахманинова, Чайковского.

— Какого специального рациона в еде придерживаетесь?

— Мы как-то постепенно в семье пришли к простой пище. А если соблюдать посты, то как-то и не хочется возвращаться снова к обильной еде.

— То есть вы не гурман?

— Нет, что вы, я обжора!

— Глядя на вас, невозможно в это поверить. Вы готовить любите?

— Люблю, но я не искусный кулинар.

— Коронное блюдо имеете?

— Обожаю делать спагетти со всякими соусами. Часто экспериментирую с салатами, овощными блюдами, морепродуктами.

— Получается, вам по душе занятие домашним хозяйством?

— Нет, у нас есть помощница. А я люблю создавать атмосферу: найти каждой вещи свое место, подобрать освещение для данного случая...

— Наверное, муж часто дарит вам цветы?

— Да. Поскольку он литовец, а цветочная культура там на достаточно высоком уровне. И поэтому он дарит, как правило, букеты из очень неприхотливых цветов — полевых или садовых, но нетрадиционных. Мне нравятся фрезии с дивным ароматом, но они хороши в охапке, а это сейчас дорогое удовольствие.

